

ПРЕМЬЕРА

В джазе — только девушки

В новом мюзикле Театра-Театра мужчинам места нет

Юлия Баталина

Собственно, о мюзикле-кабаре «Восемь женщин» всё уже сказано. Режиссёр-постановщик Борис Мильграм выскажался вполне определённо: спектакль является признанием в любви и восхищении актрисам театра, которые, кроме всего прочего, умеют неплохо петь. В этом весь смысл нового мюзикла: по сравнению с оригиналом — популярной пьесой французского драматурга Робера Тома — здесь приуменьшена детективная интрига и на первый план выходят женские типажи: каждая из героинь — сама себе пьеса, кино и спектакль, каждая — персональный перформанс, в котором актёрская органика и профессиональная техника подчёркиваются изобретательными костюмами, сложносочинёнными париками и шиньонами и прочим продуманным антуражем.

Мюзикл написали Виталий Истомин (композитор) и Михаил Бартенев с Андреем Усачёвым (либретто). Все сделали именно то, что нужно: композитор — драйвовый джаз с элементами классической эстрады, в том числе весьма знойными танго, а либреттисты — внятный, остроумный, очень культурный текст. Всё вместе прекрасно ложится на зрительские мозги — органично и ненавязчиво, ноочно. Почти три часа пролетают незаметно, а, выходя из зала, зрители мурлыкают финальную песенку о том, что женщины «не всегда логичны, но всегда непредсказуемы».

За визуал ответил художник Виктор Шилькот — тот самый, на счету которого по крайней мере половина «Золотой маски» Бориса Мильграма за «Алые паруса». Сценография выполнена в духе стиленного современного минимализма, так что поначалу сцена кажется просто пустой, но благодаря остроумному использованию балкончиков и ниш в стенах возникает живая иллюзия настоящего дома.

Во втором действии на сцене — шикарный ретрокабриолет, в котором непросто узнать перекрашенную в ярко-красный цвет старую «Волгу». Это единственный элемент стиля ретро в сценической обстановке, в остальном подчёркнуто нейтральной, так что не вполне понятно, в какие времена происходит действие, что, впрочем, не важно: речь идёт о женщинах как явлении вечном и вневременном.

Игры с ретро лучше всего видны в костюмах. Художник Ирэна Белоусова взяла из 1950-х годов всё самое «секси»: дамы появляются на сцене в платьях «солнце», причём не только актрисы, но и музыканты оркестра. В джазе — только девушки, и, как в популярном фильме, парням приходится переодеться: представители «сильного пола» выходят на сцену в тех же платьях и блондинистых париках.

Приколы с переодеваниями никому не в тягость: на сцене — сплошное кабаре-буфф. Героини «жгут» не психологизмом и тонкостью жеста, а размашистостью, на грани пародии, эксцентрикой. Все персонажи по-своему

экстравагантны, все запоминаются, но особенно — самые экстравагантные.

Первая, о ком все говорят на выходе из зала, — Ольга Пудова, которая в роли экономки Шанель превратилась в корпulentную негритянку со специфическим глуховатым голосом и от этого маскарада получает очевидное актёрское удовольствие. Не менее эффектная роль досталась Марии Полыгаловой: дурнушка Огюстина, постоянно шмыгающая носом, мнущая подол и дёргающая ногами, вдруг превращается в облазительную пикантную барышню — к счастью, лишь в финале спектакля, так что на протяжении двух с лишним часов Мария Полыгалова даёт зрителю возможность постоянно «угорать».

Отдельная интрига — исполнительница роли бабушки Ирина Козлова. Поначалу её героиня — немощное существо в кресле-каталке, но через некоторое

время она начинает ходить, петь неплохим сопрано и чуть ли не летать, во всяком случае, крыльшки балетной сильфиды ей художник по костюмам приделал. Зрители, обсуждая спектакль, то и дело произносят: «Где они взяли эту бабульку? Я её в труппе не помню!» В самом деле, актриса приглашённая: Ирина Козлова «по жизни» работает руководителем театра Пермской краевой организации Всероссийского общества слепых.

В одной из главных ролей (поскольку неглавных здесь нет) выступает юная Эва Мильграм. Честно говоря, решение спорное — она для роли 17-летней Катрин маловата: выглядит от силы лет на 14, поэтому пышный начёс, активный макияж и песенки о фригидности и импотенции несколько смущают. Но зрители воспринимают девочку благосклонно: очень уж она «шкодная» со всеми своими ужимками, и работает «по-взрослому», чувствуется хорошая мамина школа.

Кстати, о маме... Да, настало время поговорить о звёздах! Здесь четыре суперженские роли, которые доверены «самым-самым» актрисам труппы. Ирина Максимкина играет коварную горничную-вамп, соблазнившую «месье». Анна Сырчикова — куда же без неё в мюзикле? — играет «распутную» парижанку Пьеретту, при этом включается в нечто вроде эротического дуэта с героиней Елены Старостиной — Габи. Старостина, конечно, не певица, но достаточно музикальна, чтобы участием в этом спектакле закрепить статус «пермской Катрин Денёв». Наконец, в роли правдискательницы Сюзан — Екатерина Романова, которая в прошлом сезоне носила фамилию Сушина и прославилась

исполнением роли школьницы Маши в спектакле «Географ глобус пропил». Оказывается, и она тоже поёт. А без этого в Театре-Театре звездой не станешь.

Забавно и парадоксально, но «кабаре» от Мильграма удивительно напоминает легендарный спектакль Романа Виктора «Служанки»: эксцентрикой на грани кривляния, броскими сексуальными нарядами, элементами travesti, пусть не такими кричащими, как у Виктора, а также назойливым упоминанием «месье», который так и не появляется на сцене. Некоторые па танцующих женщин — почти копия томных телодвижений викторовских «служанок».

Что же касается месье... А был ли месье, вокруг которого столько драм завертелось? Не так уж это и важно, ведь эти женщины без мужчин точно не останутся. Недаром в финале музыканты из оркестра — трубач Олег Стратулат и тромбонист Вячеслав Третьяк — уже без всякого камуфляжа, одетые в отменные смокинги, появляются на сцене, чтобы предложить дамам руку для танца, а может, и на всю жизнь.

Всё в спектакле радует... Но нельзя не обратить внимание на то, что решение режиссёра усаживать зрителей «на планшете» обламывает изрядную долю кайфа от восприятия столь юморного зрелища. Гораздо веселее смотреть комедию в большом зале, где хотят — так хотят, аплодисменты — так аплодисменты. В маленькой аудитории зрители стесняются ярких проявлений эмоций, поэтому синергетического эффекта, когда зал валился под кресла, а стены дрожат от хохота, здесь не возникает.

А жаль, могли бы вслать посмеяться. ■

ФОТО АЛЕКСЕЙ ГУЩИН

